

18+

Расул Махачкалинский

Расул из Махачкалы, или Крыша для шавермы

Расул Махачкалинский

Расул из Махачкалы, или Крыша для шавермы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72506272

ISBN 9785006804494

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Он приехал покорять Москву из Дагестана. Был рабом на легендарном Черкизоне. Свидетельства от первого лица Расула о тяжелой жизни горцев в Москве в лихие девяностые. Книга содержит нецензурную брань.

Расул из Махачкалы, или Крыша для шавермы

Расул Махачкалинский

© Расул Махачкалинский, 2025

ISBN 978-5-0068-0449-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Расул из Махачкалы, или Крыша для шавермы

Глава 1. Прибытие. Первый обман таксиста.

Я, Расул. Из Махачкала. Там, где горы упираются в небо, а море вечно сердито бьется о камни. Там, где каждый человек – как камень в стене: крепкий, свой, и если один выпадет – вся стена рухнет. Меня там все знали. А тут, в Москве, я никто. Как песчинка в пустыне, которую ветер гоняет туда-сюда, и всем на нее плевать.

Мне дядя говорил, когда провожал: «Москва, Расул, это не наш аул. Там люди – как волки. Улыбаются тебе в лицо, а сами нож точат за спиной. Но если ты станешь сильнее

волка – они будут твои рабы». Я тогда кивнул, мол, понял. А на самом деле не понял ничего. Я думал, главное – быть сильным физически. Как Хасан, мой братан, который может согнуть подкову голыми руками и которому моск в голове мешает думать. Но оказалось, сила тут другая нужна. Хитрость. Как у лисы. А я пока только ишак упрямый, который лбом стену пробивает.

Мы вышли из поезда на Казанском вокзале. И на меня обрушился такой грохот, такой лай, такой запах бензина, пота и чужой еды, что я на секунду ослеп и оглох. Мне показалось, что я попал в желудок к какому-то железному великану, который перемалывает тысячи людей в фарш. Все куда-то бежали, толкались, кричали. Никто ни на кого не смотрел. У нас в Махачкале, если идешь по улице, ты каждого встречного видишь, ты с ним глазами встречаешься, киваешь. Здесь же люди смотрели сквозь тебя, как будто ты призрак, пустое место. От этого стало очень одиноко и страшно, но я не мог этого показать. Я же лидер. Я должен был вести за собой Хасана и Руслана.

Хасан выругался матом на своем горном наречии: «Что это за адский шум? У меня в голове трещит!». Он был похож на медведя, которого разбудили посреди зимы. Злой, растерянный и готовый всех порвать. Руслан же, наоборот, притих и сжался, как мышка. Его и дома-то редко было слышно,

а тут он вообще в ракушку свою спрятался.

«Не бойтесь, братаны! – сказал я им, сам изо всех сил стараясь не казаться испуганным. – Это же Москва! Город возможностей! Здесь деньги на деревьях растут! Сейчас найдем такси, доедем до общаги, устроимся, а потом – как в дамки!». Я сам не очень понимал, что значит «как в дамки», но где-то слышал эту фразу, и она звучала уверенно.

Мы вышли на улицу. Воздух был густой и едкий. Машин было больше, чем камней в нашей горной реке. И все они гудели, сигналили, рычали. Светофоры мигали, как глаза злого джинна. Я стоял и чувствовал себя маленьким-маленьким. Таким маленьким, что готов был провалиться сквозь асфальт. Но я должен был быть большим. За себя и за своих.

Поймали такси. «Жигули» ржавые, воняющие бензином. Водитель – мужик с лицом, как помятый помидор, с глазами, полными злости на весь мир.

– Куда, черти горные? – буркнул он, даже не взглянув на нас.

– Нам нужно на Ленинский проспект, дорогой человек! – сказал я, пытаюсь казаться вежливым и важным, как учил дед. Дед говорил: «Даже с врагом говори вежливо. Так он дольше не поймет, что ты его уже победил».

Таксист хмыкнул и молча кивнул.

Мы поехали. Я смотрел в окно. Москва проплывала мимо – серая, огромная, бездушная. Высокие дома-коробки, с тысячами одинаковых окон. И в каждом окне – своя жизнь, свои проблемы, о которых я ничего не знал. «Как же тут одиноко должно быть, – подумал я. – Ни гор, ни моря, только бетон и железо. Как птицы в клетках живут». Мне вдруг страшно захотелось домой, к запаху маминых лепешек и к крику чаек над морем. Но я сглотнул этот комок в горле. Я не мог дать слабину.

Приехали. Место выглядело не очень похоже на «проспект». Дома были старые, облупленные, вокруг валялся мусор.

– С вас пятнадцать тысяч, – просипел таксист.

У меня в кармане было тридцать тысяч на троих. На еду, на первый взнос за жилье, на все. Хасан заворчал, как цепной пес. Я быстро жестом его остановил.

В голове пронеслась мысль: «А что, если?..». Вспомнились рассказы бывалых ребят, как они крутили москвичей вокруг пальца. Сердце заколотилось от страха и азарта.

– Друг мой, – сказал я, расплываясь в улыбке. – У меня нет рублей. Но есть доллары! Настоящие, американские!

Глаза таксиста загорелись жадным огоньком. Он протянул руку.

Я медленно, с важным видом, достал из внутреннего кармана пачку старых, потрепанных советских рублей – тех самых, с изображением Ленина.

– Вот, держи! Это американский Ленин! Самый главный доллар! – торжественно объявил я.

Наступила тишина. Таксист смотрел то на деньги, то на меня. Его лицо начало медленно менять цвет с красного на фиолетовый. Он дрожал от ярости.

– Да я вас, горных уродов! – закричал он хрипло, срываясь. – Это же совок! Деревянные рубли! Да я вас сам зарезу, экономических террористов!

Одной рукой он схватил монтировку, другой попытался вцепиться в меня.

Глава 2. Первый поход в метро, или Подземный джинн

После того как мы убежали от таксиста с монтировкой, мы долго стояли в подворотне и дышали. Сердце стучало так, будто хотело выпрыгнуть из груди и убежать обратно в Дагестан, к родным горам, где его никто не тронет. В горле пересохло, а в кармане осталось всего тридцать тысяч на троих. Хасан смотрел на меня как на самого последнего дурака.

– Ну ты и дал, Расул, – выдохнул он, вытирая пот со лба. – «Американский Ленин»! Я же говорил, надо было его сразу по голове стукнуть, и все дела! Он бы у нас деньги потом доплатил, чтоб мы его не заложили ментам! А ты со своим

умом...

– Молчи, Хасан, – огрызнулся я. – Твой ум только кулаки работать умеет. А я его обманул, да? Обманул! Он теперь всю жизнь вспомнит, как дагестанец его сделал как ребенка. Честь аула мы не уронили.

– Честь аула... – проворчал Хасан. – Рюкзаки уронили. Там у меня новые носки были. И... – он запнулся, вспомнив, что нельзя, – ...и сухари домашние. Мама пекла.

От слов «мама пекла» у нас у всех скучно заурчало в животах. Нужно было что-то делать. До общаги еще идти и идти, а денег на еще одно такси уже не было. Точнее, были, но отдавать их за поездку – это все равно что руку отрезать.

– Пойдем в метро, – сказал я, вспомнив рассказы бывалых. – Там под землей, говорят, поезда бегает. Как черви железные. Быстро и дешево.

– Метро? – Хасан нахмурился. – Это что за зверь такой? Он кусаться будет?

– Не зверь, а транспорт, – объяснил я, сам не очень понимая, как это работает. – Ты ему жетон даешь, он тебя проглатывает, ты под землей едешь, а потом тебя обратно выплевывает, где тебе надо.

Руслан, который до сих пор молчал, испуганно посмотрел на меня.

– Он нас не пережует? – тихо спросил он.

– Не пережует, – уверенно сказал я. – Мы костистые.

Мы пошли по улице, спрашивая у прохожих, где вход

в этого подземного джинна. Люди шарахались от нас, показывали направления молча, торопливо уходя. Видели, что мы не местные, что глаза у нас голодные, а одежда помятая. Чужаки. Чужие волки в их каменном лесу.

Наконец, мы увидели большую красную букву «М». Она светилась, как глаз циклопа, заманивая нас в свою пещеру.

– Вот он, – сказал я. – Вход в другое царство.

Спустились вниз по лестнице. И меня снова ударило по голове. Там, под землей, был целый город! Яркий, шумный, полный людей. Люди шли по коридорам быстрым, ровным шагом, как муравьи, которые знают свою дорогу. Где-то громко говорил голос из ниоткуда, объявляя что-то непонятное. Пахло ветром, железом и электричеством.

– Маша-Аллах... – прошептал Хасан, вращая головой. – Они тут под землей целый город отгрохали! А нафига? Места сверху, что ли, не хватает?

– Они боятся, – вдруг философски изрек я. – Наверху дождь, снег, ветер. А тут всегда одинаково. Как в банке консервной. Удобно.

Мы подошли к кассе. Я сунул деньги в окошко, где сидела женщина с лицом, как у сушеной рыбы.

– Три жетона, – сказал я.

Она молча бросила мне три железные кружочки. Они были холодные и скользкие.

– И что с ними делать? – спросил Хасан, разглядывая свой жетон. – Съесть что ли? На вкус как монета.

– Нет, – сказал я. – Его надо в дырку кинуть. Видишь, вон те вертушки?

Мы подошли к турникетам. Люди прикладывали какие-то карточки или бросали жетоны, и железные палки проворачивались, пропуская их. Это выглядело как магия.

– Смотри, – сказал я Хасану. – Кидаешь жетон – и проход открывается. Как ключ от двери.

Я бросил жетон. Турникет щелкнул и прокрутился. Я пошел.

– Видишь? – обернулся я к братанам. – Просто как...

Я не успел договорить. Хасан, решив, что нужно проходить вместе, рванул за мной, не бросая жетон. Он врезался в железные палки грудью. Турникет затрещал, но не поддался. Хасан отскочил, как обжегшись.

– Ах ты, шайтанская машина! – зарычал он. – Думаешь, я тебя не сломаю?

Он ухватился за палки и начал их дергать. Народ обернулся. Из будки вышел охранник, мужчина с лицом, на котором было написано, что он видел всё и его уже ничем не удивить.

– Эй, джигиты! – крикнул он. – Вы тут что, цирк привезли? Платите и проходите, как все люди!

– Да он меня не пускает! – возмутился Хасан. – Я ему сейчас покажу, кто не пускает!

– Хасан, молчи! – шикнул я. – Сейчас менты приедут!

Я сунул охраннику еще два жетона.

– Извините, дядя, – сказал я. – Он у нас с гор, первый раз

в городе. Не понимает.

Охранник мотнул головой.

– Понятно. Ваш друг тут скоро весь метро разнесет. Проходите, только успокойте его.

Руслан бросил жетон и робко прошел. Хасан, все еще ворча, последовал за ним, с ненавистью глядя на турникет.

– У нас в аule заборы ниже, – проворчал он. – И люди добрее.

Мы спустились еще ниже, на перрон. И тут я обомлел. Платформа была огромной, как поле. Сводчатый потолок, как в мечети, только без окон. И вдруг из туннеля вырвался страшный грохот, и влетел поезд. Длинный, как змея, с горящими глазами-фарами. Он пронесся мимо нас с таким ветром, что меня откинуло назад.

– Вот это да! – выдохнул Руслан. – Совсем как джинн!

– Да это же просто поезд, – сказал я, стараясь казаться спокойным, хотя внутри все сжалось от страха. – Заходим в вагон.

Двери открылись. Из вагона вывалилась толпа людей, а мы попытались зайти внутрь. Но народу было как сельдей в бочке. Мы втиснулись в самый центр. Вокруг нас были чужие тела, чужие запахи: духи, пот, алкоголь. Хасану это не понравилось.

– Эй, ты, полегче! – он толкнул локтем мужика в костюме. Тот обернулся, злой.

– Сам полегче, черножопый!

Хасан нахмурился и сжал кулаки. Я быстро встал между ними.

– Извините, гражданин, – сказал я. – Он не хотел. Мы не местные.

Мужик что-то пробормотал и отвернулся.

Поезд тронулся. Меня качнуло, и я чуть не упал на какую-то бабушку. Она посмотрела на меня так, будто я был тараканом.

Я стоял, держась за поручень, и смотрел в окно. Там была крошечная тьма, иногда мелькали огни. Мне стало страшно. Мы мчались в черной пустоте, под землей, среди чужих, злых людей. Я подумал о доме, о том, как мы сидели вечерами на улице, пили чай и смотрели на звезды. Здесь звезд не было. Здесь был только бетон, железо и вечная спешка.

– Следующая станция «Комсомольская», – прозвучал голос из динамика.

– Наша? – спросил Руслан.

– Наша, – сказал я, хотя не был уверен.

Когда двери открылись, мы вывалились из вагона вместе с толпой. Я чувствовал себя выброшенным на берег после шторма.

– Ну что, – сказал Хасан, оглядываясь. – Где тут выход? Наверх, к солнцу.

– Надо искать указатели, – сказал я.

– Какие указатели? – удивился Хасан. – Спросим у людей. Он подошел к первому встречному.

– Эй, брат, как тут выбраться?

Мужчина испуганно отшатнулся и быстро пошел прочь.

– Видишь? – сказал я. – Здесь так не принято. Здесь все сами по себе.

Мы долго блуждали по подземным переходам, пока наконец не увидели лестницу, ведущую наверх. Когда мы вышли на поверхность, я глубоко вдохнул воздух. Он был грязный, но это был воздух свободы, а не каменного мешка.

– Никогда больше не поеду в этом подземном джинне, – поклялся Хасан. – Лучше пешком.

– Согласен, – кивнул Руслан.

– А я поеду, – сказал я. – Страшно, но нужно привыкать. Если мы хотим здесь выжить, мы должны стать такими же, как они. Быстрыми. Незаметными. Холодными, как железо.

Я посмотрел на огромные дома вокруг, на спешащих людей, и мне стало грустно. Чтобы стать своим в этом городе, мне придется забыть, кто я есть. А я не хотел забывать. Я хотел остаться Расулом из Махачкалы, но при этом заставить этот город уважать себя.

Это будет трудно. Но я попробую.

Глава 3. Черкизон и Алик, или Кто тут опущенный?

Мы вышли из метро, и Москва снова ударила нас в лицо своим шумом и чуждостью. Но теперь мы были уже не теми перепуганными горцами, что приехали на вокзал. Мы прошли через подземного джинна, и это нас немного закалило.

По крайней мере, я себе так внушал.

– Ну что, братаны, – сказал я, пытаюсь звучать бодро. – Теперь нам надо искать этот Черкизон. Говорят, там наши ребята сидят. Деньги крутят. Надо втереться к ним, в доверие.

– Втереться? – хмыкнул Хасан. – Я не втираюсь. Я сразу покажу, кто тут пахан. Спроси у любого, кто со мной в камесе сидел. Все знают, Хасана зря не трогай.

– В камесе не Москва, – заметил Руслан тихо. – Тут другие понятия.

– Какие такие понятия? – огрызнулся Хасан. – Сила – вот понятие. Кто сильнее, тот и прав. Всегда так было.

Мы спросили у прохожего, как добраться до Черкизона. Тот, боязливо оглядев нас, пробормотал что-то про автобус и махнул рукой куда-то в сторону. Мы пошли пешком. Шли долго, минут сорок. Москва вокруг менялась: из центра с высокими домами мы попали в какие-то промзоны, с гаражами, складами и вечным запахом горелой резины. Наконец, мы увидели его.

Черкизон.

Это было море. Море людей, палаток, ларьков, машин и криков. Тысячи голосов сливались в один сплошной гул. В воздухе висела смесь запахов: дешевый парфюм, жареное мясо, пыль и человеческий пот. Здесь пахло деньгами. Грязными, быстрыми, но деньгами.

– Маша-Аллах... – прошептал я. – Это ж целый государ-

ство.

– Государство в государстве, – уточнил Руслан.

– Свои законы я знаю, – проворчал Хасан, окидывая рынок оценивающим взглядом. – Здесь главный – тот, у кого сила и наглость. Смотри, как носятся, тараканы. Все хотят срубить бабла.

Нас сразу заметили. Везде были наши лица – кавказские. Одни смотрели с любопытством, другие – с подозрением. Мы были чужаками.

– Нам нужен Алик, – сказал я. – Мне дядя говорил, он тут большой человек. У него своя точка.

Мы побрели между рядами. Ящики с товаром, крики торговцев. Хасан то и дело норовил прихватить какую-нибудь мелочь – пачку носков, зажигалку. Я его останавливал.

– Не позорь, Хасан. Мы не воры, мы бизнесмены пришли.

– А что такое? – он ухмыльнулся. – Мелочь с краю – не воровство. Это так, для разминки.

Наконец, мы нашли его точку. Большой павильон «Товары для дома». Внутри стоял сам Алик – мужчина лет сорока, в дорогой (с виду) кожаной куртке, с золотой цепью на шее. И с золотым зубом. Отблеск солнца от этого зуба слепил прохожих и, казалось, освещал ему путь к богатству. Он улыбался какому-то поставщику, но глаза у него были холодные, как лед в стакане чая.

Когда поставщик ушел, Алик повернулся к нам. Улыбка мгновенно сползла с его лица, как смазанный майонез с ша-

урмы.

– Ну, вы кто такие будете и чего надо? – спросил он резко, окидывая нас взглядом, который сразу оценил нашу дешевую одежду и потерянный вид.

– Мы из Махачкалы, – выступил я вперед. – Меня зовут Расул. Это мои братаны, Хасан и Руслан. Нас к вам мой дядя, Магомед, направил. Сказал, вы человек серьезный, можете работу дать.

Имя дяди, видимо, сработало. Алик немного смягчился.

– Магомед... А, вспомнил. Ну ладно. Работа у меня есть. Простая. Таскать ящики с товаром, машины разгружать, на точке стоять, чтоб не воровали. Плачу по сто тысяч в день. На троих.

Я чуть не поперхнулся. Сто тысяч на троих? Это ж вообще ничего!

– Сто тысяч? – не удержался Хасан. – Это что, за проезд в метро? Мы не нищие, дядя Алик. Мы мужчины, дело делать можем.

Алик усмехнулся, и его золотой зуб блеснул, как маленькое солнце.

– Вижу, что мужчины. Но вы пока никто. Ноль без палочки. Здесь все с низов начинают. Я сам с ящиков начинал. Хотите – работайте, нет – свободны. Место ваше займут другие. Желающих – как собак нерезаных.

Руслан тихо тронул меня за локоть.

– Расул, соглашайся. Это же только начало. Покажем се-

бя – он повысит.

Я понимал, что он прав. Но унижаться так было обидно.

– Ладно, – кивнул я. – Мы согласны.

– Умный мальчик, – сказал Алик без всякой похвалы. –

Вот вам первый ящик. Тащите на склад, вон в тот конец ряда.

И давайте шевелиться, а то за день нихрена не сделаете.

Ящик был тяжеленный, набитый банками с краской. Мы втроем еле подняли и потащили через толпу. Люди толкались, кричали: «Эй, осторожно, джигиты! Товар не помните!».

Хасан злился на каждом шагу.

– Вот так всегда, – ворчал он. – Сначала на зоне новичков опускают, парашу мыть заставляют. Потом здесь то же самое. Я думал, на воле по-другому. Ан нет, везде бугор ищет шестерку.

– Зато свои деньги, – пытался я его утешить. – Не ворованные.

– Свои? – фыркнул Хасан. – Это он с нас смех сделал. Сто тысяч! Я одну пачку сигарет дороже воровал!

Мы доползли до склада, свалили ящик и пошли за следующим. Работа была адской. Таскать целый день тяжелые ящики under the палящим солнцем – это не то, о чем я мечтал. Я представлял себя в кожанке, как у Алика, с деньгами, с уважением. А вместо этого я был грузчиком.

В перерыве Алик подозвал меня.

– Ну что, Расул, как работа? Не передумал?

– Нет, – ответил я. – Работа есть работа.

– Правильно. Терпи. Терпение – это главное. Вот увидишь, если головой работать будешь, а не только руками, далеко пойдешь.

Он говорил это с таким видом, будто делал мне огромное одолжение. Мне хотелось ему сказать, что у нас в горах терпение нужно для охоты, а не для того, чтобы тебя использовали как скотину. Но я промолчал.

В конце дня Алик отсчитал нам триста тысяч.

– На, – бросил он деньги мне в руку. – Заработали. Завтра приходите к восьми. Опоздаете – штраф.

Мы вышли за ворота рынка. Я смотрел на смятые купюры. Триста тысяч. Целых триста тысяч. Мы могли купить себе шаурмы, даже с мясом.

– Ну что, – сказал Хасан, смотря на деньги с презрением. – Теперь мы олигархи? Можем на «девятку» копить? Лет через сто.

– Молчи, – огрызнулся я. – Это только начало. Мы не будем вечно ящики таскать. Мы найдем свой способ. Мы же не лохи.

– Точно, – неожиданно поддержал Руслан. – В армии меня учили: сначала научись подчиняться, потом научишься приказывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.